

Олег Мироненко

Из жизни инопланетян
Цивилизация

Сборники рассказов

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Олег Мироненко

**Из жизни инопланетян.
Цивилизация. Сборники рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Мироненко О.

Из жизни инопланетян. Цивилизация. Сборники рассказов /
О. Мироненко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Книга включает в себя два сборника рассказов. Некоторые из них могут показаться издевательски короткими, некоторые - слишком мрачными, некоторые - просто странными... Но они про нашу жизнь. И мире, в котором мы живём. Хорошем, в общем-то, мире. Если не вдаваться в частности. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Из жизни инопланетян	5
Двери	5
Контакт	7
Редкозубый Пилорыл	11
Гуд бай, Америка...	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Из жизни инопланетян

Двери

Супермаркет жил своей обычной суетой, пока парадные двери вдруг не закрылись наглухо. Они были самораздвижные, с хитро напичканной электроникой. Проблемы с ними возникали и до этого; приходил один и тот же хмурый дядька, доставал инструмент и, что-то бурча себе под не первой свежести нос, приводил электронику в порядок. Правда, такого, чтобы двери вообще не реагировали на вмешательство людей (пусть и некомпетентных), еще не было; а тут, перед самым часом пик, всем сотрудникам магазина, вместе с не успевшими исчезнуть главным администратором и директором, пришлось извиняться перед покупателями, отнимать у них товар и выводить всех по одному через складские помещения. Срочно был вызван специалист, который вскоре и приехал. Это был другой специалист, молодой и развязный; впрочем, никому не было никакого дела, кто там приехал. Этот другой явно не собирался здесь долго задерживаться, однако после сорока минут бесполезных манипуляций стал подавать первые признаки беспокойства, а еще через пятнадцать минут достал сотовый и стал кому-то названивать. Подошедший директор услышала следующее:

– Аллю, Викторович? Кто у нас там последний выезжал на Минскую? Ну да, да – супермаркет... Гаврилов? А он где? Язву лечит? Из запоя, что ли, выходит? Слушай, я тут ни черта понять не могу, все вроде бы в норме, а двери наглухо... Ладно, пусть я тупой, лишай меня премии, только давай сюда кого-нибудь поумней, люди в магазин зайти не могут.

Магазином заправляла женщина лет за тридцать, с несколько огрубелыми для ее возраста чертами лица. По натуре стеснительная и деликатная, она была вынуждена скрывать эти вредные для ее должности качества намеренно грубым обращением с окружающими. Со стороны порой выглядело несколько странно, когда она, спокойно и даже доверительно беседуя с продавщицами, вдруг ни с того ни с сего будто срывалась с цепи и начинала на них орать, насколько позволяла прокуренная глотка. Подслушав вышеизложенный телефонный разговор, она подошла к специалисту и спросила:

– Вы когда двери почините? Вы понимаете, что сейчас самый наплыв покупателей? Мы вам за что деньги, в конце концов, платим? Кто будет убытки возмещать? Вы?!

К концу тирады она изрядно завелась, и в голосе её появились неприятные визгливые интонации. Специалист, несмотря ни на что, не потерявший своей развязности, тоже решил не сдерживать накопившихся эмоций и ответил в тон:

– Вы что на меня орёте, гражданочка? Я сегодня за день так набегался, что мне никакой радости торчать тут с вами нет. Ну, не понимаю я, что за фигня с вашими дверями, когда вы столько нагрешить успели, что они народ к вам не пускают! Сейчас приедет более опытный мастер, разберёмся.

После полученного отпора в директорше проснулась врожденная деликатность, и она отошла от молодого человека, правда, тут же наорав на подвернувшегося под руку охранника.

Действительно, довольно скоро прибыл обещанный опытный мастер, усталый и злой, и дверям была устроена настоящая экзекуция. Их раздвигали вручную, пытались оставить в открытом положении, пробовали все режимы, что-то замеряли, меняли и снова замеряли – все было бесполезно. Наконец, их в очередной раз насильно раздвинули и вставили между половинками кусок доски, а на самих дверях появилось объявление: «Осторожно! Не запнитесь о порожек!»

С тем специалисты и уехали ввиду позднего времени, обещав вернуться завтра с утра пораньше. Наутро часам к девяти подъехала целая бригада из 4-х человек, у каждого по боль-

шой сумке в руке. Круглосуточный магазин снова пришлось закрыть, возле него начали толпиться зеваки, наблюдая за сложными действиями ремонтников, которые, никого не стесняясь, всю матерились после очередной неудачной попытки заставить двери работать. К десяти подъехал сам хозяин магазина, крупный мужчина со стрижкой «ежик», обсудил что-то сначала с директором, затем с интересом понаблюдал за судорожными перемещениями специалистов, после чего, наконец, позволил себе выговориться:

– Что, ребятки, не получается? Что-что? Хреновина какая-то? Никогда такого раньше не было? Вы мне только про восстание машин ничего не говорите, ладно? В общем, так! Если через два часа магазин не будет работать, как ему положено, мало никому не покажется! Всю вашу контору на уши поставлю!

Затем он хлопнул дверью «Volvo» и уехал. Ребятки закурили и призадумались. Наконец один из них сказал:

– Слышь, может... того... Гаврилова сюда подвезти? А ну он секрет какой знает? Да что толку по телефону ему звонить, он двух слов связать не может! В какой он там больнице лежит?

Ввиду полной безысходности предложение было принято. Через час привезли отвоёванного за литр коньяка Гаврилова, высокого сутулого мужчину с никогда не улыбающимися глазами и крупным с прожилками носом. По дороге он, видимо, успел переругаться со всеми, потому что вид у него был свирепый, а с носа на усы скатывались крупные капли пота. Не обращая внимания на насмешки зевак («Гляди-ка, никак самый главный прибыл!»), он поднялся по ступенькам, подошел к дверям и... они разъехались в стороны. В толпе кто-то ахнул, кто-то засмеялся, а кто-то даже заплодировал. Гаврилов прошел внутрь и, крайне раздраженно что-то бурча под нос, несколько минут щелкал тумблера, жал кнопки режимов, мял в руках провода. Двери послушно открывались и закрывались; и черт его знает, как и почему, но многим казалось, что проделывали они все это с... удовольствием, что ли, легко и бесшумно. Гаврилов, ожидая некоего подвоха со стороны коллег, еще немного потоптался у дверей, затем пожал плечами и стал спускаться к машине. Коллеги же, ощущая себя полными идиотами, по одному подходили к дверям, проходили внутрь, выходили обратно, не обмениваясь никакими репликами и мечтая только об одном: как можно скорее убраться отсюда.

Инцидент вскоре получил довольно широкую огласку, благо свидетелей хватало. Местная пресса подала все это без особой изюминки, как-то очень уж скучновато, зато в одном из не самых последних по значимости и читаемости центральных изданий вскоре появилась любопытнейшая статья, автор которой утверждал, что любовь – это не только взаимодействие между биополями, но также и между био– и электромагнитными полями; и что не так уж редки случаи, когда эти поля полностью совпадают по своим параметрам. Выходило, что двери просто–напросто... влюбились в Гаврилова, ну, не влюбились, а, скажем, как говорилось в статье, оказались с ним на одном энергетическом уровне (на том самом уровне взаимного проникновения, от которого людей корежит и они творят черт знает что), соскучились и сами устроили себе свидание. Было еще много чего интересного в этой статье, например, о единстве и гармонии во Вселенной; впрочем, желающие могут прочитать ее сами: называется она «Неживая любовь» и наверняка есть в Интернете. Гаврилов газет не читал, Интернетом не пользовался, телевизор не смотрел, а слушал радиоприемник. Больше всего ему нравилась радиостанция «Эхо Москвы», хотя, как всякий истинный русский пьющий человек, евреев он недолюбливал. После той истории его никоим образом не корежило, а когда по телефону солидный голос предложил ему приехать в Москву и пройти обследование, то голос был послан куда подальше. Гаврилов за всю свою жизнь любил только две вещи: покой и одиночество, а возникающую вдруг ниоткуда тягу к чужим биополям глушил водкой. Хотя иногда, приговаривая бутылку, он вдруг упирался взглядом в пустоту, долго шевелил губами и, наконец, невнятно бормотал: «Вот ведь насекомое-то, а...»

Двери вскоре пришлось заменить.

Контакт

Сколько всего уже было написано про встречу с пришельцами из космоса, сколько воображения затрачено, неясных фактов обсосано, хитроумных гипотез выдвинуто – и всё оказалось не то, не то... А правда – вот она, правда. Голая да немытая.

Последние несколько лет, в связи с крутыми переменами в моей жизни, я проводил значительную часть времени в компании сильно пьющих людей. Нет, официальным бомжом я не был – квартиру моя бывшая у меня так и не отсудила, но вывезла оттуда всё, оставив лишь расцарапанные стены и покорёженный в бессильной злобе линолеум, так что нахождение в обители моих рухнувших надежд давалось мне с большим трудом, и неделями, а то и месяцами, я ночевал где придётся, вплоть до гаражей с подвалами. Коммунальные услуги мною не оплачивались, бумаги с призывами к совести и угрозами обращения в судебные инстанции игнорировались. Сначала меня это волновало, даже сильно, потом не так сильно, потом стало просто на всё наплевать. Эстетика беспробудного пьянства, с муками махрового похмелья, низводящими тебя до уровня слизня, и последующий переход сначала в животное состояние, а потом и в бездонные глубины хмельного прозрения космического гуманоида захватила меня полностью. Русские горки. Кайф самоуничужения и цикличность возрождения. Суровые мужчины, продирающиеся сквозь паутину слов к самому главному – увидеть себя изнутри, вывернув наизнанку. Я не помню уже точно, на какой именно стадии я впервые встретил этого алкаша, скорее всего, мне было не так чтобы хорошо, но и не очень плохо, поэтому знакомство в памяти не отложилось. Но, так или иначе, мы стали встречаться в неких точках наших изломанных судеб, и как-то в припадке моей хмельной ностальгии даже оказались вдвоём у меня на квартире, с бутылкой пойла и сковородкой пережаренной (от недостатка внимания) картошки на закуску. Тогда-то всё и началось.

Он называл себя Плинтусом. Я отнёсся к этому с пониманием, усматривая в этом даже некий установочный смысл. Сам я давно уже откликнулся на «Костика» – времена Константина Сергеевича безвозвратно, как мне казалось, канули в прошлое. Мы с ним быстренько нажрались, игнорируя картошку, и мне стало скучно и грустно. Общаясь с Плинтусом один на один, я классифицировал его как серенькую личность с донельзя усреднёнными понятиями из областей логического естествознания, о чём и не преминул ему сообщить.

– А вы, сударь, оказывается, большой пошляк, – так и вlepил ему я в лицо. В нашем кругу неординарных в своей непонятости личностей это считалось большим оскорблением. Он опустил голову – кажется, обиделся, и просидел так несколько минут. Я готовился к взрыву чувств. Он, однако, поднял на меня глаза, и с особым пропитым надрывом в голосе сказал:

– Хрен с ним, пусть накидывают... Не могу я больше. Тошно мне. А ты знаешь, Костик, я ведь, выражаясь вашим языком, инопланетянин.

Я поморщился, не услышав ничего оригинально, и выпил. Потом посмотрел на него. Серенький потасканный мужичок, рост средний, телосложение среднее, черты лица среднеприятные, глаза неопределённо-пустые, одет в вонючий китайский ширпотреб.

– Все мы здесь инопланетяне, Плинтус, – закурив и обдав его дымом, неохотно вошёл я в русло предложенной темы.

– Да нет, ты не понял. Я серьёзно. Я здесь у вас в ссылке нахожусь.

Голос его звучал почти жалобно, он очень хотел, чтобы я ему поверил.

– Угу. – Я затушил сигарету о ненавистный линолеум. – Пошли-ка прогуляемся, тошно мне здесь как-то.

– Ладно. Я ведь и доказать могу, хотя ничего хорошего мне от этого не светит, а светит лишь новый срок.

– Ты, урка вшивый, – не выдержав, взорвался я. – Ты чё мне буровишь, падла? Какой ты на хрен инопланетянин, говно залежалое?

Он вздохнул. Потом сходил на кухню, принёс грязный стакан с водой из-под крана и сунул его мне под нос.

– Глотни-ка.

Всё ещё трясясь, я вырвал у него стакан, отхлебнул и сплюнул.

– Аш-два-О, тёплая и противная. А сейчас, извините, я вас буду бить.

Моя пьяная злость искала выход, и, приняв его предложение испить из стакана, я развязал себе руки.

– Подожди минутку, Костик, это всегда успеется.

Он снова забрал у меня стакан, зажмурился и несколько раз провёл над ним грязной в порезах ладонью. Мне вдруг показалось, что из ладони струится голубоватое сияние.

– Пробуй-ка теперь, – тихо произнёс он, снова протягивая мне стакан.

В некоторой прострации я взял его, несколько озадаченно отпил и тут же закашлялся. Спирт, чистейший спирт!

– Что за фокусы, Плинтус? – просипел я, отдышавшись. – Я ведь себе всё горло сжёл.

– Ты убедился?

– В чём? В твоих навыках рукоблудия? Где у тебя запрятана фляжка?

Он осунулся, виновато пожал плечами, потом сказал:

– Ты прекрасно знаешь, что нет у меня никакой фляжки. А есть лишние три года за эту, как бы вы сказали, алхимию. Костик, ты посиди минутку, осмысли происходящее.

Стакан с остатками спирта стоял на полу у моих ног, я поднял его и принялся. Потом подумал. Потом опять принялся. Потом аккуратно выпил спирт, быстренько закурил и начал думать.

Огонь пробежал по жилам, мысли просветлели.

– Ещё как можешь доказать? – решил сменить я праведный гнев на пьяную милость. После спирта привычная реальность начала расслаиваться. Я был готов ко всему.

Он забормотал:

– Я много чего могу, недоступного вам, но, понимаешь... мой срок и так уже приближается к критическому, и... Ну ладно, ещё разок. Продемонстрирую.

Он вдруг воспарил. Буквально, как сидел на полу в позе лотоса, так и воспарил, ещё и руки на груди сложил для пушей убедительности. Я пьяно моргал глазами. Остаток вечера прошёл в уверениях дружбы до гроба и какой-то бессмысленной суете.

Утром я проснулся на полу, передо мной стоял старый пластмассовый тазик. Я принялся, затем сунул в него палец и облизал. «Вода... А какого хрена я туда, собственно, палец-то сую?» Обрывки обрётённого давеча тайного знания давили на голову, но казались чушью несусветной. «Вот дали вчера... Надо всё-таки сейчас ему рожу набить. Чтобы не умничал»

Плинтус валялся на кухне. Тощенький, серенький, неприкаянный. Вдруг в сознании всплыло: «Понимаешь, на самом деле я другой, совсем другой, а тут выгляжу как человек из определённой социальной группы, в качестве наказания, значит. Мог бы быть и президентом, если бы не сильно накосячил, а мог бы и в одиночке до конца дней сидеть, если бы совсем сильно... Почему Россия? Ну, у нас так заведено: за преступления в сфере управления полагается ссылка именно в Россию. Я ведь просителю вселил ложные надежды, случайно так вышло, вот меня и угораздило. Как живу? А каждый день у меня в кармане с утра пять тысяч появляется, Вселенная так запрограммирована, не важно, что на мне одето, Костик, совсем не важно»

Я пошарил у него по карманам и обнаружил в донельзя грязных джинсах пятитысячную купюру. «Во, блин...» Голова закружилась.

– А ну, вставай, чмо инопланетное! – заорал я в бессильном томлении. – Опохмеляться будем!

... Мы пили пиво, глодали рыбу и до поры до времени молчали. Разговор начал я:

– На чём мы вчера остановились?

Вера моя снова окрепла.

– Ты обещать помог, – уныло ответил Плинтус. Ему было гораздо хуже, чем мне, и я всё ждал, когда он побежит блевать.

– Слушай, – спросил я. – Тебя кто здесь Плинтусом-то прозвал, а?

– Да я сам себя и прозвал. Это немного напоминает мне моё прежнее имя. Вот, послушай...

И он изобразил голосом и губами нечто запредельно-птичье, от чего у меня сразу заломило виски, а потом вывернуло наизнанку в стоящий рядом тазик.

– Прости, – пристыжено взирал он на меня. – Я не должен был подвергать тебя воздействию этих звуков...

– Так ты считаешь, что они похожи на наше слово «плинтус»? – всё ещё борясь с тошнотой, тупо осведомился я.

– Да, для меня здесь прослеживается очевидное сходство.

В силу каких-то необъяснимых, иррациональных причин эта последняя его фраза окончательно убедила меня в том, что он действительно визитёр из другого мира, а не плод моих пьяных галлюцинаций.

– Так чем я тебе могу помочь-то? Ни хрена ведь не помню...

... Оказалось, я могу взять на себя его вину. Он произвёл кое-какие операции с моими тонкими телами и выяснил, что в следующей своей жизни я должен буду занять другой качественный уровень бытия, в кармическом плане вполне достаточный, чтобы позволить испустить его нынешние прегрешения. Иначе он здесь пропадёт, он чувствует, что скоро сломается. Если я на это соглашусь, то он сможет вернуться в свой мир, а я в следующей своей жизни буду, скорее всего, уже... собакой. Пойду, так сказать, на понижение. Он ничего от меня не ждёт. Он понимает, как это трудно. Взамен он может только поведать мне о причинно-следственных связях между высшими и низшими мирами, а также научить способам улучшения своей кармы. Если я буду настойчиво работать, то в следующей жизни я снова могу стать человеком, а учитывая характер возможной принесённой мною сейчас жертвы, у меня даже будут все шансы стать великим.

Я слушал его и потягивал пиво. Работать над собой мне не хотелось совершенно. «Сволочь», – думал я. – «Вот навязался». Вслух же я только сказал:

– Повезло тебе всё-таки, что в Россию сослали... Хрен бы этот номер в Америке или там Голландии прошёл.

Глаза его радостно вспыхнули:

– Так ты согласен, Костик?

– Своих не бросаем, – пафосно бросил я в ответ набившую за последнее время оскомину дежурную журналистскую фразу.

– Так я же того... не свой.

– Да свой ты теперь, Плинтус. В доску свой. Скажи-ка, а собакой я что-нибудь о себе любимом буду помнить? На том уровне? Нет? Ладно, валяй, рассказывай мне всю эту муть эзотерическую, там разберёмся.

... Я открыл глаза. Плинтус исчез. Я вспомнил, как он сосредоточенно шевелил губами, пытаясь определить предел оставшихся у него возможностей с учётом их распыления на пьянку, алхимию и левитацию, высчитывал оставшийся срок, несколько раз начинал выть и биться головой о стену, но потом взял в себя в руки и, наконец, просветлел. Всё сошлось у него тютелька в тютельку. Я к тому времени уже до предела накачался алкоголем и мог лишь пьяненько улыбаться, когда он выставил вперёд свои невымытые ладони, и от них потянулись ко мне голубые змейки...

Я открыл последнюю бутылку пива, отхлебнул и, пошатываясь, вышел во двор, намереваясь пополнить запасы. По двору бегали собаки, с хозяевами и без, решая свои собачьи дела. Я долго смотрел на них. Потом вылил пиво на грязный снег. «Надо бы чем-нибудь другим заняться, – вяло подумал я. – Но для начала не мешало бы проспать».

Мне вдруг отчаянно захотелось остаться человеком.

Редкозубый Пилорыл

Фамилия у него была Рылов, ну, и погоняло соответственное – Рыло. Потом какой-то там умник где-то вычитал или подсмотрел про класс пилорылых, и он тут же стал ещё и Пилой, а в некоторые с кровавым привкусом официальные моменты и Пилорылом. А ещё, нервничая, что случалось частенько, он имел некрасивую привычку покусывать кулак, и однажды по этому кулаку вдарили так, что тот провалился прямо ему в рот, снеся сколько-то там зубов по пути, не говоря уже о муках нахождения у самого горла скрюченной пятерни, пока её наконец не вытащили обратно, опять-таки что-то там надломив... Так окончательно он и обрёл свою грандиозную кликуху – Редкозубый Пилорыл, он же Зуб, он же Пила, он же Рыло – в зависимости от ситуации и настроения окружавших его мучителей-друзжков.

Жилось ему, в общем-то, не очень сладко – помимо вынужденного редкозубья обладал он ещё исключительной лопоухостью и кривым, сломанным ещё в далёком-далёком детстве носом. Глаза, у него, правда, были замечательные: синие, с бирюзовым отливом, и иногда в них плескалось море, а иногда и целый океан. Но в глаза ему никто не смотрел, и он тоже в глаза никому не заглядывал – сразу можно было нарваться на приключение. Жил он с матерью, не бедно и не богато, не голодал – это уж точно, и одет-обут всегда был по сезону. Мать частенько в одиночку дегустировала спиртосодержащие напитки и тогда жалела и себя, и своего лопоухого сына, плода неудачного и даже оскорбительного для её памяти романа. Любила ли она его? Любила, наверное... А он стеснялся и себя, и её. Но тоже, наверное, любил.

А вот людей он боялся. Боялся учителей, ставящих ему «тройки», хотя к урокам он всегда был готов – его просто не слушали. Боялся девочек, презрительно косивших глаза в его сторону, когда он оказывался рядом. Боялся одноклассников, безжалостно тюкавших его. Боялся посторонних мужчин и женщин, потому что, от природы наблюдательный и уязвимый, ощущал себя в их присутствии неким зверьком, которого в любой момент могли то ли погладить, то ли пнуть. И, кроме страха, жило ещё в нём и постоянное ожидание чего-то. Чего? Эх, кабы знать...

Читать он любил – компьютер маманя потянуть ну никак уже не могла. И вот, классе в десятом, попалась ему в руки некая эзотерическая книжка, из которой он узнал, что согласно учению древних индийцев, все числа – от одного до девяти – соответствовали степени развития материи и связи её со Вселенной. Так, выходило, что 1 – это камни там, минералы всякие; 2 – растения всевозможные; 3 – животные самые разные; 4 – это уже человек, это его крестное число (видите, как палочки пересекаются?) Ну, а 5 – это ангелы, а про остальные числа ведают уже только избранные: рангом не ниже ангелов, значит. Крепко засела эта квалификация в голове и душе Редкозубого, книгу он в библиотеку тогда не сдал и постоянно перечитывал, пока окончательно не уяснил для себя, что он-то уж точно – человек, свой крест несущий, а те, кто кидают в него камни – камни и есть, кто стегает его крапивой – крапива и есть, кто кусает его со злобой – собаки и есть. И не то, чтобы жить после этого ему как-то разом легче стало – нет, но вот ожидание чего-то усилилось прямо-таки до зуда в душе. И сбылось – встретил он ангела. Это была новенькая из их класса, вся в рыжих конопушках, нос кнопкой – смотреть не на что, но вот глаза... В них плескалась синева, которую до него никто не замечал, а он взял, да и заметил. И она, подсмотрев море-океан в его окольцованной душе, вдруг взяла да и поцеловала его. В нос. А потом и в дрожащие губы. И разом пропал страх у Пилорыла. И окружали его теперь не камни с гадюками, а такие же люди, как и он, и дело-то, оказывается, в нём было, а не в них. И действительно, как-то скоро после этого перестали вдруг называть его и Пилой, и Рылом, а всё больше Редким – ничего так себе кликуха... Но его ангелу это тоже не нравилось, и она частенько сердито выговаривала ему: «Ты Саша, понял? Саша, Сашенька, Сашуля – и никто больше!» Что ж, у ангелов своя правда. А потом... она умерла. Пьяный водитель, свой

крест несущий, оборвал её командировку на Земле. И всё. Разом высох океан. Пришёл он домой, лёг в холодную постель и замер, боясь пошевелиться, цепенея всё больше и больше. Так и застыл к утру, превратившись в камень. И тенью билось над ним нечто, создающее ветер, шепчущий: «Саша, Сашенька, Сашюля...»

Гуд бай, Америка...

– Эй, шпана, у вас два часа! Деньги где?

Это резвился Виталик – гитарист, вокалист и барыга первостатейный. За два часа репетиции – три рубля! Нехилая схема. (Вся эта байда, о которой я рассказываю, случилась со мной в конце восьмидесятых, а три рубля тогда были деньги. Как и рубль.) Впрочем, волны возмущения затухли где-то внутри, снаружи мы вольности себе не позволяли. Ансамбль был вотчиной старшекласников, и хотя формально мы имели право на репетиции без денежных махинаций, на деле приходилось скидываться. И не жужжать. Иначе нас могли бы подвергнуть остракизму и отлучить от самозабвенного брэнчания и стучания на полурасстроенных инструментах. Rock'n'Roll требовал жертв.

Я запиливал соло и иногда орал в микрофон. «Ионику» старшие товарищи от нас благо-разумно прятали, и поэтому Игорьку приходилось лабать на стоящем в актовом зале пианино, а когда остальные в целях экономии времени репетировали в камерке, Игорёк наяривал на сцене один, прислушиваясь к смутным звукам за спиной. Да, мы были сыгранной командой... За ударными восседал Валерка, на ритм-гитаре боролся с гармонией Гоша, он же и пел высоким и довольно мерзким, на мой взгляд, голоском. Басуху терзал Димон.

На этот раз инструменты были вытащены на сцену: старшие товарищи готовились к новогодним торжествам. Для педагогов в качестве сюрприза готовились вещи из «Битлз», «Пинк Флойд», «Чай-Ф» и «Нау». Предполагалось, что все будут пищать от восторга. Нас в праздничном концерте не значилось, и только из любви к альтернативному искусству мы с максимальной завуалированностью пытались воспроизвести нетленки «Дип Пёрпл» и «Роллинг Стоунз», а также сострять нечто своё. Звучание наше можно было охарактеризовать как гараж-нойз-отстой-рок. Надо ли говорить о том, что мы были счастливы.

– О, пацаны, зацените-ка!

Гоша выдал на гитаре четыре аккорда, один из которых сразу привлекал внимание своей корявостью.

– По-моему, не плохой рок'н'рольчик, а ?

– Мажорный! – поднял вверх палец Игорёк. Он ещё не так давно посещал музыкальную школу и мог позволить себе нести всякую хрень.

Какое-то время все сосредоточенно пытались убедить себя и других, что предложенная тема действительно цепляет, потом надоело.

– Не, давайте старенькое что-нибудь сообразим... Над этим потом подумаем.

Началась обычная вакханалия, нормальный ход которой был вдруг нарушен Димоном:

– Мужики, авария! Струна полетела.

– Чего?

Музыкальная какофония прекратилась, и началась словесная.

– Ты как умудрился басуху раздеть, дурила? В первый раз такое вижу!

– Димон, тебе же сто раз говорили: пальчиками лабай, пальчиками, а не три сдуру медиатором! Где новую струну-то брать прикажешь, а? Нас же теперь совсем разуют!

Димон вращал наглыми глазёнками и уверенно отбрехивался, пока случайно не поймал в поле зрения пианино.

– Мужики, идея! Давайте из этого ящика струну приспособим. Всё равно хлам – струной больше, струной меньше...

Игорёк потерял дар речи, потом выдохнул:

– Варвар...

Но Димон и Валерка, загоревшись идеей, уже почти было приступили к акту вандализма, как с нами поздоровались:

– Привет, мальчики!

Светка лучезарно улыбалась, такая же загорелая, как и в сентябре. Димон немедленно отложил задуманное, вразвалочку подкатил к ней, чмокнул в щёку:

– Привет, радость моя! Отсидела своё?

– Угу. Проводишь?

Я же, с гитарой наперевес, приблизился к Наташке, но поцеловать не решился:

– Привет! Как дела?

– Нормально... Вы всё страдаете, меломаны?

– Да так... Слышь, Наташ, если из пианино струну на бас-гитару переставить – получится что-нибудь?

Наташа вздрогнула. Она сама неплохо играла на пианино. И, кроме того, была умницей.

– Совсем что ли? Только инструмент зря изуродуете...

– Ага, я так и думал. Да не смотри ты на меня так, не моя это идея. идея. Ну правда ...

Сдать Димона было не зазорно.

Наташа училась в параллельном классе и вроде бы как была моей девушкой, что служило для меня источником сильнейших переживаний. Дело в том, что я никак не мог её поцеловать. По-настоящему, а не просто чмокнуть в щёку. При этом с ней всё было в порядке – оглядываясь назад, я понимаю, как она была хороша в своём безудержном порыве женственности. Зелёные глаза, ямочки на щеках, чуть вздёрнутый носик, застенчивая улыбка, грудь, рвущаяся из школьной формы... Проблема была во мне. Я рисовал её ежеминутно с собой наедине, но когда она находилась рядом и, безусловно, чего-то ждала, мои губы вдруг становились деревянными, и всё, на что я был способен, так это только тупо уткнуться губами и носом ей в щёчку, или – случайно – в шею. Я понимаю теперь, что это была заторможенность от переизбытка желания (крайности всегда находятся где-то рядом), но тогда анализ ситуации вряд ли бы помог мне в борьбе с комплексами переходного возраста. Но одна мысль у меня всё же была.

– Ты на Новый год с нами? – осведомился я у своей нецелованной подруги.

– Ой, Костик, извини, родители едут в Челябинск, ну, и я тоже... – Она посмотрела на меня виновато. – Там у меня три брата двоюродных, а я их совсем не помню. Старый год вместе встретим, ладно?

Я расстроился. Мой план на Новый год состоял в том, чтобы расслабиться под действием спиртного и показать себя мужчиной. Для осуществления этой, как мне казалось, последней надежды, в наличии уже имелись и квартира для вечеринки, и бухло. Встреча же Старого года явно мне ничего в этом плане не сулила.

– Домой? Пойдём. Так, и когда отбываешь?

... Я готовился пойти на party. Признаться, я дружил со спортом, и спиртным не баловался. Ну, пиво как-то пробовал – не понравилось. И всё. Но на этот раз в целях борьбы со стрессом я, ввиду отсутствия подруги, решил пить наравне со всеми: оторвусь на полную, а там – будь что будет. Может, мозги на место встанут.

Родители уже ушли в свою кампанию. Я достал бутылку со спиртным, понюхал. Пахло сивухой. В стране властвовал сухой закон, выдуманный непьющим придурком, и легальной продукцией мне разжиться не удалось ввиду отсутствия призывного возраста и денег. Да и отношения с предками были ни к чёрту. Поэтому я задействовал давнюю знакомую матери, тётю Марину, и выцыганил у неё бутылку самогона. «Крепкий, не обожгитесь...», – напутствовала она меня на прощание. Да ладно.

Разодетый в безвкусные импортные шмотки, которые иногда завозились в военторг (обитали мы в городке, вдали от «фарцы» и прочих изысков «совковой» цивилизации), с самогонкой под мышкой я заявился на хату. Девчонки наделали салатов и нарезали колбасу, мальчишки открыли шпроты и выставили спиртное на стол – обстановка была праздничная. Мою неприглядную тару с подозрительным содержимым задвинули пока подальше, за диван, а

здоровый местный расстрига (все его называли Хома) осуждающе покачал головой: «Будете должны, Константин». Ну, буду так буду.

Девочки начали праздновать с вина, мальчики с водки – все, кроме меня, отнеслись к событию серьёзно, и ковшик с брагой по кругу не ходил, а слышался звон хрусталя. Некоторое время я страдал от собственной непутёвости, но потом развеселился, тем более что некая симпатичная одноклассница по имени Ира стала оказывать мне серьёзные знаки внимания. Она была чем-то похожа на Наташу... и этого описания, пожалуй, будет вполне достаточно. Я поухаживал за ней, сначала вполне невинно, пока мы не сплелись в довольно игривом танце, и тут в голове у меня зашумело, и я решил, что неплохо бы в отсутствии Наташки попрактиковаться. Подоспел Новый год. Все загадали желание, чокнулись, выпили... и столкнулись с дефицитом спиртного. Мне поднесли кофейную чашку с резко бьющим в нос содержимым и велели испить первым. Я выпил, крикнул, отказался от закуски и ощутил прилив сил и желаний. Тиская Ирку в смежной тёмной комнате, я, помнится, шептал: «Наташка, Наташка...», она слабо отбивалась: «Дурак,пусти,какаяяятебяНаташка...», а потом вдруг мы оказались полураздетыми на полу и какое-то время тёрлись друг о друга, пока по невероятной, дикой случайности не кончили одновременно. В отношении себя я это понял по растекающейся в трусах жидкости, что же касается Ирки, то она явственно застонала и выдохнула: «Хорошо...» А мне вдруг стала плохо. Сначала я заблевал комнату, а когда на меня надели штаны и пытались засунуть ноги в ботинки, то и коридор. Домой я попал на плечах Хома и Димона. Как выяснилось позже, во время моей транспортировки Хома обморозил себе ухо, испачкал новые джинсы и, с учётом того, что он ещё и убирал за мной на хате, я оказался должен ему по гроб жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.